

Вестник Московского университета
Серия 11 Право
Научный журнал
Основан в ноябре 1946 г.
Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

№ 2 • 2022 • март–апрель

Международное и интеграционное право

П.П. Кремнев, доктор юридических наук, доцент; профессор кафедры международного права, юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Приговор окружного суда Литвы по уголовному делу о событиях в Вильнюсе в январе 1991 г. и международное право. Обвинение в «советской агрессии и преступлениях против человечности»

Аннотация. Статья является продолжением доктринально-правового анализа решения Вильнюсского окружного суда о придании закону обратной силы, а именно назначить уголовное наказание на основании статей Уголовного кодекса Литвы 2000 г. в редакции 2011 г. в отношении событий 1991 г. В публикации также исследован вопрос о несостоятельности ссылок Суда на Устав ООН и Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН 1974 г. об определении агрессии для целей обоснования утверждений о «начавшейся в 1940 году и продолжавшейся советской агрессии» в отношении Литвы. С критических позиций рассмотрены квалификация Судом действий подразделений вооруженных сил и правоохранительных органов СССР в январе 1991 г. в Вильнюсе в качестве военных преступлений и преступлений против человечности на основе применения положений Устава Нюрнбергского военного трибунала, Конвенции о неприменимости сроков давности 1968 г. и Женевских конвенций 1949 г. о защите жертв войны. С учетом опровержимости утверждений Суда о якобы совершенных Советским Союзом в 1940–1991 гг. актах «оккупации», «агрессии», «преступлений против человечности», «военных преступлений» и иных «преступлений по международному гуманитарному праву» обоснован общий вывод о неправомерности решения Вильнюсского суда о применении норм литовского национального уголовного законодательства с отсылкой и на основе рассмотренных в публикации международно-правовых актов.

P.P. Kremnev, Dr. Sci (Law), Professor of the International Law Department, Faculty of Law, Lomonosov
MSU (Moscow, Russia)

Judgment of the Lithuanian District Court in the criminal case on the events in Vilnius in January 1991 and international law. Charge of "Soviet aggression and crimes against humanity"

***Abstract.** The article is a continuation of the doctrinal and legal analysis of the decision of the Vilnius District Court to give retroactive effect to the law, namely to impose a criminal penalty on the basis of articles of the Lithuanian Criminal Code of 2000 as amended in 2011 in relation to the events of 1991. The publication also examines the issue of the Court's failure to refer to the UN Charter and the UN General Assembly Resolution of 1974 on the definition of aggression for the purpose of substantiating allegations of "Soviet aggression that began in 1940 and continued" against Lithuania. The Court's qualification of the actions of units of the armed forces and law enforcement agencies of the USSR in January 1991 in Vilnius as war crimes and crimes against humanity on the basis of the application of the provisions of the Charter of the Nuremberg Military Tribunal, the Convention on the Inapplicability of the Statute of Limitations of 1968 and the Geneva Conventions of 1949 on the Protection of Victims of War are considered from critical positions. Taking into account the refutability of the Court's statements about the alleged crimes committed by the Soviet Union in 1940–1991, acts of "occupation", "aggression", "crimes against humanity", "war crimes" and other "crimes under international humanitarian law" justify the general conclusion about the illegality of the decision of the Vilnius Court on the application of the norms of Lithuanian national criminal legislation with reference and on the basis of the international legal acts considered in the publication.*

Keywords: aggression, Charter of Nurnberg Tribunal, war crimes, crimes against humanity.

О.В. Кадышева, кандидат юридических наук, доцент; и.о. заведующего кафедрой международного права, юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Правовое регулирование ответственности в ВТО и ЕАЭС

***Аннотация.** Проблематика международной ответственности остается одной из наиболее дискуссионных тем как в академической литературе, так и в решениях международных судов и арбитражей. Одной из ключевых особенностей ВТО является во многом уникальная система ответственности за нарушения правил ВТО, созданная государствами при ее создании. В силу значительных отличий от классического подхода, предусмотренного Проектами статей Комиссии международного права ООН об ответственности, соответствующие положения ВТО рассматриваются доктриной как нормы *lex specialis* по отношению к обоим Проектам, при этом имеющими как свои достоинства, так и недостатки. Несмотря на наличие в Договоре о Евразийском экономическом союзе некоторых норм об ответственности государств-членов Союза, эти нормы носят единичный, нескоординированный и узкоспециальный характер и основаны на некритичном заимствовании подходов ВТО, которые на практике оказываются малопригодными для создания единого внутреннего рынка ЕАЭС. Необходимость создания собственного комплекса норм об ответственности в рамках ЕАЭС не должна влечь за собой слепое заимствование ни подходов КМП, ни подходов ВТО, так как это может войти в противоречие с целями евразийской интеграции. В качестве*

возможного варианта предлагается учесть опыт Суда ЕС, который практически сразу же отказался следовать классическому международно-правовому подходу, предполагающему горизонтальный контроль самих государств за соблюдением норм права ЕС и применением мер горизонтального воздействия к государству-нарушителю.

Ключевые слова: международная ответственность, Проекты статей об ответственности, возмещение ущерба, ВТО, ЕАЭС, *lex specialis*.

O.V. Kadysheva, PhD (Law), Associate Professor; Acting Head of the Department of International Law, Faculty of Law, Lomonosov MSU (Moscow, Russia)

Legal regulation of liability in the WTO and the EAEU

Abstract. *The issue of international responsibility continues to be one of most debatable topics among academia and in the decisions of international courts and tribunals. One of the major features of the WTO is a highly specific and to certain extent unique system of responsibility for violation of WTO rules elaborated by the founding member states. As a result of significant deviations from the classical approach as provided by the International Law Commission in its both Drafts Articles of international responsibility, WTO rules of state responsibility are widely treated by academia as *lex specialis* with its own advantages and disadvantages. Despite of existence of some rules of state responsibility in the Treaty of the Eurasian Economic Union such rules are mostly of sporadic, case-specific and badly coordinated character based on misguided borrowing of WTO approach which is ill-suited for the purpose of creation of common internal market. The necessity for the EAEU to create its own complex of norms on liability should not lead to a blind replication of either ILC or WTO approaches, as this could be at odds with the objectives of Eurasian integration. It's suggested as one of possible alternatives to use the approach of the Court of Justice of the EU rejecting almost from the very beginning a classical international law canon of horizontal control performed by the states themselves backed by the use of the horizontal measures of enforcement towards the state violating its obligations.*

Keywords: international responsibility, Drafts articles of international responsibility, compensation for damage, WTO, EAEU, *lex specialis*.

Конституционное право и процесс; муниципальное право

Д.Г. Шустров, доктор юридических наук, доцент; доцент кафедры конституционного и муниципального права, юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Конституционная революция как порядок изменения конституции

Аннотация. Конституционная революция рассматривается в качестве порядка конституционного изменения, действительность которого не основана на действующей конституции, не согласуется с ее нормами, осуществляется не в соответствии с закрепленными в конституции процедурами. Природа конституционной революции такова, что при ее совершении нарушаются пределы изменения прежней конституции и не осуществляется или безрезультатно осуществляется конституционный контроль за их соблюдением. Выделяются две теории, объясняющие действительность конституции, принятой в результате конституционной революции: теория внешней легитимности и теория внутренней легальности. Теория внешней легитимности предполагает, что основанием действительности конституции является тот или иной внешний по отношению к ней источник: Бог, народ, харизматичный лидер и т.п. Действительность конституции не подчинена ей самой, но имеет внеконституционный источник происхождения. Новая конституция получает от этого внешнего источника свою легитимность, восполняющую утраченную в результате революции легальность. Теория внутренней легальности предполагает, что основанием действительности конституции может быть только внутренний источник — сама конституция. Новая конституция обретает свою действительность из себя самой. С одной стороны, такой подход логически противоречив, поскольку является самореферентным и объясняет явление ссылкой на самого себя. С другой стороны, он исключает трансцендентное и иное объективно неверифицируемое объяснение конституции. Действительность Конституции РФ, принятой в результате конституционной революции 1993 г., основывается на теории внешней легитимности, связывающей действительность конституции с ее эффективностью.

Ключевые слова: Конституция РФ, конституционная революция, изменение конституции, легитимность, легальность, действительность.

D.G. Shustrov, Dr. Sci. (Law), docent; Assistant Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law, Lomonosov MSU (Moscow, Russia)

Constitutional revolution as an order for changing the constitution

Abstract. Constitutional revolution is an order of constitutional change, the validity of which is not based on the current constitution, does not comply with its norms, and is not carried out in accordance with the procedures enshrined in the constitution. When the constitutional revolution is carried out, the limits of changing the previous constitution are violated and constitutional review over their observance is not carried out or to no avail. There are two theories that explain

the validity of the constitution adopted as a result of the constitutional revolution: the theory of external legitimacy and the theory of internal legality. The theory of external legitimacy assumes that the basis for the validity of the constitution is external source: God, the people, a charismatic leader, etc. The validity of the constitution is not subordinate to it itself, but has an extra-constitutional source of origin. The new constitution receives from this external source its legitimacy, which makes up for the legality lost as a result of the revolution. The theory of internal legality assumes that the basis for the validity of a constitution can only be an internal source — the constitution itself. The new constitution finds its validity from itself. On the one hand, this approach is logically contradictory, since it is self-referential and explains the phenomenon by referring to itself. On the other hand, it excludes a transcendental and other objectively unverifiable explanation of the constitution. The validity of the Constitution of the Russian Federation, adopted as a result of the constitutional revolution of 1993, is based on the theory of external legitimacy, which links the validity of the constitution with its effectiveness.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, constitutional revolution, constitutional change, legitimacy, legality, reality.

А.Л. Корнеев, кандидат юридических наук; доцент кафедры экологического и земельного права, юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Особенности действия норм об использовании земли (земельных участков) без предоставления

***Аннотация.** Правовой институт использования земельных участков без их предоставления и установления сервитута, публичного сервитута является не только новым, но и содержит ряд необычных правовых конструкций. В этой связи важно выяснить общую направленность, соотнести с близкими правовыми категориями, а также определить пути совершенствования имеющихся норм. Сделан вывод, что в основе появления данного института лежит необходимость оперативного разрешения порядка ограниченного использования пространственных свойств земли (земельный участок) и расширения экономических возможностей. Поскольку сохраняется публичная собственность на землю, а у лица, использующего земельный участок, не возникает предусмотренных ЗК РФ прав на землю, целесообразно в отдельной норме предусмотреть положение о том, что разрешение выдается на использование земли на условиях, наименее обременительных для текущего и будущего ее использования. Действующий правовой режим разрешения использовать земли (земельный участок) на рассматриваемых основаниях не предусматривает заключения договора об использовании, однако законодательное регулирование не содержит и императивной нормы, которая бы запрещала такое соглашение. Земля (земельный участок) используется в данном случае как экономический ресурс, что в определенной мере снижает ее ценность для публичного собственника. Поэтому концептуально следует исходить из того, что в случаях, когда законодатель прямо не устанавливает запрета, выдача разрешения может предусматривать и плату за использование.*

Ключевые слова: земля, земельный участок, использование земельного участка без предоставления, дозволение, экономические возможности, правовой институт.

A.L. Korneev, Ph.D. (Law); Associate Professor, Faculty of Law, Lomonosov MSU (Moscow, Russia)

Features of the operation of norms on the use of land (land plots) without providing

***Abstract.** The issues of legal protection of the environment, improving the efficiency of public administration in the environmental sphere have been elevated to the rank of national goals, the way to achieve which, according to official estimates, is seen, among other things, in the introduction of digital technologies. The article raises the problem of the lack of clarity and unambiguity of the definition of the legal concept of “digital society” and all terms derived from it. The purpose of the study was to study the existing regulatory definitions and doctrinal*

approaches to the concept of digitalization in the aspect of state environmental management, which is considered as the process of introducing digital technologies into the activities of state bodies that improve the quality of their functions. At the same time, under the digital transformation of such management in the article, it is proposed to understand the transition to such a state of environmental management, which is characterized by the onset of specific socially significant results from the use of digital technologies. The readiness of public administration in the field of environmental protection for digital transformation — regulatory, software, technical support, training, etc., should be called digital maturity, which, in turn, is a prerequisite for digital transformation, transition to a digital society.

Keywords: state environmental management, state management in the field of environmental protection, digitalization, digital transformation, digital maturity, digital society.

Н.М. Заславская, кандидат юридических наук; доцент кафедры экологического и земельного права, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Правовые основы государственного экологического управления в цифровом обществе: термины и определения

Аннотация. *Вопросы правовой охраны окружающей среды, повышения эффективности государственного управления в экологической сфере возведены в ранг национальных целей, путь достижения которых по официальным оценкам видится в том числе во внедрении цифровых технологий. В статье поднята проблема отсутствия четкости и однозначности определения правового понятия «цифрового общества» и всех производных от него терминов. Целью исследования являлось изучение существующих нормативных определений и доктринальных подходов к понятию цифровизации в аспекте государственного экологического управления, которая рассматривается как процесс внедрения в деятельность государственных органов цифровых технологий, позволяющих улучшить качество осуществляемых ими функций. При этом под цифровой трансформацией такого управления в статье предложено понимать переход к такому состоянию экологического управления, которое характеризуется наступлением конкретных социально значимых результатов от применения цифровых технологий. Готовность государственного управления в области охраны окружающей среды к цифровой трансформации — нормативное, программное, техническое обеспечение, подготовка кадров и др., следует именовать цифровой зрелостью, которая, в свою очередь, является необходимым условием для цифровой трансформации, перехода к цифровому обществу.*

Ключевые слова: государственное экологическое управление, государственное управление в области охраны окружающей среды, цифровизация, цифровая трансформация, цифровая зрелость, цифровое общество.

N.M. Zaslavskaya, Ph.D. (Law); Associate Professor, Faculty of Law, Lomonosov MSU (Moscow, Russia)

Legal Framework for State environmental management in the digital society: terms and definitions

***Abstract.** The issues of legal protection of the environment, improving the efficiency of public administration in the environmental sphere have been elevated to the rank of national goals, the way to achieve which, according to official estimates, is seen, among other things, in the introduction of digital technologies. The article raises the problem of the lack of clarity and unambiguity of the definition of the legal concept of “digital society” and all terms derived from it. The purpose of the study was to study the existing regulatory definitions and doctrinal approaches to the concept of digitalization in the aspect of state environmental management, which is considered as the process of introducing digital technologies into the activities of state bodies that improve the quality of their functions. At the same time, under the digital transformation of such management in the article, it is proposed to understand the transition to such a state of environmental management, which is characterized by the onset of specific socially significant results from the use of digital technologies. The readiness of public administration in the field of environmental protection for digital transformation — regulatory, software, technical support, training, etc., should be called digital maturity, which, in turn, is a prerequisite for digital transformation, transition to a digital society.*

Keywords: state environmental management, state management in the field of environmental protection, digitalization, digital transformation, digital maturity, digital society.

Н.Е. Алёнкин, кандидат юридических наук (Москва, Россия)

О правовой природе внутриведомственных нормативных документов

***Аннотация.** В статье анализируются взгляды на внутриведомственные нормативные документы в аспекте соотношения понятий «нормативный правовой акт» и «локальный нормативный акт» в законодательстве, деятельности Минюста России, практике судебного нормоконтроля и юридической литературе. Обращаясь к проводимому в науке делению ведомственных нормативных актов на общеобязательные и внутриведомственные, автор исходит из синонимичности понятий «нормативный правовой акт, затрагивающий права, свободы и обязанности человека и гражданина», «нормативный правовой акт, обязательный для федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, а также юридических и физических лиц» и «общеобязательный нормативный акт». Обосновывается, что внутриведомственные нормативные документы нельзя считать нормативными правовыми актами, затрагивающими права, свободы и обязанности человека и гражданина, поскольку они распространяются на определенный круг лиц и их действие не выходит за пределы соответствующего ведомства. Рассматривая конкретные ведомственные нормативные акты, зарегистрированные Минюстом России или оспоренные в Верховном Суде Российской Федерации, автор показывает невозможность отнесения их к общеобязательным нормативным актам, в том числе приводя в пример аналогичные документы, изданные субъектами, не уполномоченными осуществлять нормативно-правовое регулирование. Предлагается отказаться от практики государственной регистрации внутриведомственных нормативных документов, отмечается выгодность данной меры с практической точки зрения.*

Ключевые слова: нормативный правовой акт, ведомственный нормативный правовой акт, внутриведомственный нормативный документ, Минюст России, регистрация ведомственных нормативных правовых актов.

N.E. Alenkin, Ph.D. (Law) (Moscow, Russia)

On the legal nature of intradepartmental normative documents

***Abstract.** The article analyses views on intradepartmental normative document in terms of correlation of the concepts «normative legal act» and «local normative act» in legislation, function of Ministry of justice of Russia, regulatory document control and juridical literature. Referring to the theoretical division of departmental normative acts into generally binding and intradepartmental ones, author assumes the synonymy of the concepts «normative legal act affecting the rights, freedom and duties of a person and citizen», «normative legal act mandatory for federal state authorities, state authorities constituent entities of the Russian Federation, local governments, as well as legal entities and individuals» and «generally binding normative act».*

It is substantiated that intradepartmental normative documents cannot be considered normative legal acts affecting the rights, freedom and duties of a person and a citizen, since they apply to a certain circle of persons and their effect does not go beyond the limits of the relevant department. Considering specific departmental normative acts registered by the Ministry of Justice of Russia or challenged in the Supreme Court of the Russian Federation, the author shows the impossibility of classifying them as generally binding normative acts, including citing as an example similar documents issued by entities not authorized to exercise legal regulation. It is proposed to abandon the practice of state registration of intradepartmental regulatory documents, the advantage of this abandonment from a practical point of view is noted.

Keywords: normative legal act, departmental normative legal act, intradepartmental normative document, Ministry of Justice of Russia, registration of departmental normative legal acts.

А.А. Каспаров, начальник Управления правового обеспечения, «Центррегионводхоз» (Москва, Россия); соискатель кафедры истории государства и права, юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Проблема ответственного правительства в России в период между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г. (статья вторая)

***Аннотация.** Настоящая статья представляет собой вторую часть работы, посвященной комплексному исследованию вопроса о политической ответственности Временного правительства. Автор показывает, что свержение монархического строя не привело к воплощению в жизнь надежд либеральных кругов обустановлении политической ответственности правительства перед представительным органом. Пришедшее к власти в результате революции Временное правительство сразу же стало позиционировать себя в качестве органа государственной власти, который может нести ответственность за свои решения только перед народом, и потому отказалось считать себя ответственным перед Государственной думой. Старания меньшевиков и эсеров принудить его нести ответственность перед предпарламентом также потерпели неудачу. Вплоть до свержения Временное правительство успешно противостояло исходившим как со стороны левых, так и правых кругов попыткам установить над ним контроль какого-либо представительного органа. Однако, хотя Временному правительству удалось отстоять свою безответственность, его члены несли ответственность перед делегировавшими их политическими партиями. Вопреки ожиданиям либеральных кругов период между Февральской и Октябрьской революциями стал временем становления принципа партийной ответственности должностных лиц.*

Ключевые слова: Февральская революция, Временное правительство, политическая ответственность, ответственное правительство, партийная ответственность.

A.A. Kasparov, Head of Legal Support Department, “Tsentrregionvodkhoz” (Moscow, Russia); Ph. D. Student, Faculty of Law, Lomonosov MSU (Moscow, Russia)

Problem of responsible government in Russia between the February and October revolutions of 1917 (article two)

***Abstract.** This article continues the article devoted to the problem of the political responsibility of Russian Provisional Government. The author shows that violent overthrow of monarchial order didn't bring to embodiment of ideas of liberal groups about establishment of political responsibility of the government before parliament. The Russian Provisional Government considered that it can bear responsibility for its decisions only before the people and therefore refused to consider itself responsible before the State Duma. Attempts of the Mensheviks and Socialists Revolutionaries to compel it to bear responsibility before Pre-parliament were also unsuccessful. Right up to its overthrow the Russian Provisional Government successfully*

counteracted the attempts of right-wing and left-wing political groups to establish the political control of any representative body over it. However, although the Russian Provisional Government remained irresponsible, its members bore responsibility before the political parties, which delegated them in the Government. Contrary to expectations of the liberal groups, period between the February and the October revolutions was the time of formation of a principle of party responsibility of the officials.

Keywords: February revolution, Provisional Government, political responsibility, responsible government, party responsibility.

М.С. Серебренникова, аспирант кафедры уголовного права и криминологии, юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Причинно-следственная связь в преступлениях склонения к совершению самоубийства и содействия в совершении самоубийства

***Аннотация.** Цель исследования — анализ уголовного российского законодательства, правовой доктрины и судебной практики по выявлению причинно-следственной связи между уголовно наказуемым деянием — доведением до самоубийства и наступившими последствиями — суицидом. На основе анализа сделан вывод о том, что состав преступного деяния образуется при установлении прямой причинно-следственной связи между действиями виновного и самоубийством жертвы и не может быть образован, если суицид совершен вследствие иных воздействий, факторов или обстоятельств, даже если имело место воздействие подозреваемого, которое непосредственно не влечет за собой следствие. Последовательное и обстоятельное выявление причинно-следственной связи требует обязательного комплексного исследования психических процессов в сознании, а также обстоятельств жизни жертвы в их динамике, которые мотивировали или могли бы мотивировать его на самоубийство. Воздействие комплекса таких мотивирующих обстоятельств может указать на иную причинность, нежели противоправное воздействие как таковое. Иными словами, выявление второстепенных факторов приобретает более значимое для квалификации значение. Установление причинно-следственной связи предполагает опору на заключение судебной психолого-психиатрической экспертизы, являющейся относимым доказательством.*

Ключевые слова: причинность, причинно-следственная связь, суицид, доведение до самоубийства, склонение к самоубийству, детерминизм.

M.S. Serebrennikova, Ph. D. Student of the Department of Criminal Law and Criminology, Faculty of Law, Lomonosov MSU (Moscow, Russia)

Causality in the crimes of inciting to commit suicide and assisting in committing suicide

***Abstract.** The aim of the study was to analyze the legislation of the Russian Federation, Russian legal doctrine and judicial practice to identify a causation between a criminally punishable act — incitement to commit suicide and the consequence — suicide. Based on the analysis, it was concluded that the composition of a criminal act is formed when a direct causal link is established between the actions of the perpetrator and the suicide of the victim and cannot be formed if the suicide was committed due to other influences, factors or circumstances, even if it had the element of influence of the suspect, but it, however, is not decisive, does not directly entail a consequence.*

A consistent and thorough identification of a causation requires a mandatory comprehensive study of mental processes in consciousness, as well as the circumstances of the victim's life in their dynamics, which motivated or could motivate him to commit suicide. The impact of a complex of such motivating circumstances may indicate a causality other than outwardly looking wrongful influence. Identification of secondary factors becomes more important for qualification. Establishing a causal relationship involves relying on the conclusion of a forensic psychological and psychiatric examination, which is relevant evidence.

Keywords: causality, causation, suicide, incitement to suicide, inducement to suicide, determinism.

М.А. Пичугина, аспирант, юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия); сотрудник-исследователь, Научно-образовательный центр «Уголовно-правовая экспертиза» (Москва, Россия)

О малозначительности деяния в формальных составах

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам о возможности и обоснованности признания малозначительным деяния в рамках формального состава преступления. С этой целью автором исследуются понимание общественной опасности применительно к вопросу о малозначительности деяния с формальным составом в доктрине и судебной практике. В статье делается вывод о роли малозначительности деяния как инструмента, позволяющего вывести за пределы УК РФ не обладающие криминальной общественной опасностью нарушения бланкетного законодательства в рамках формального состава. Данный вывод раскрывается на примере состава преступления, предусмотренного ст. 200.3 УК РФ. Также автором обосновываются выводы о возможности признания малозначительным деяния в рамках состава преступления с альтернативной формой вины; о необходимости привлечения лица к административной ответственности за совершение деяния, признанного малозначительным в связи с отсутствием криминальной общественной опасности; о необходимости принятия судом решения о возможности / невозможности признания деяния малозначительным в каждом конкретном случае и, соответственно, недопустимости ограничения перечня деяний, которые могут быть признаны малозначительными, со стороны Пленума Верховного Суда РФ (по крайней мере в отношении деяний, обладающих / не обладающих криминальной общественной опасностью).

Ключевые слова: уголовное право, малозначительность деяния, общественная опасность, формальный состав, привлечение средств для долевого строительства, реальный ущерб.

М.А. Pichugina, Ph. D. Student of the Department of Criminal Law and Criminology, Faculty of Law, Lomonosov MSU (Moscow, Russia)

On the insignificance of an action in formal compositions

Abstract. This article is devoted to the issues of the possibility and validity of recognizing an act as insignificant within the formally defined crimes. To this end, the author examines the

understanding of public danger in relation to the question of the insignificance of an act with formally defined crimes in the doctrine and judicial practice. The article draws a conclusion about the role of the insignificance of an act as a tool that allows decriminalizing violations of regulatory legislation that do not have a criminal public danger within the formally defined crimes. This conclusion is revealed by the example of the corpus delicti provided for in Article 200.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author also substantiates the conclusions about the possibility

of recognizing as insignificant an act within the corpus delicti with an alternative form of mens rea; about the need to bring a person to administrative responsibility for committing an act recognized as insignificant due to the absence of criminal public danger; on the need for the court to make a decision on the possibility / impossibility of recognizing an act as insignificant in each specific case and, accordingly, the inadmissibility of limiting the list of acts that can be recognized as insignificant by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation (at least in relation to acts that have / not have a criminal public danger).

Keywords: criminal law, formally defined crimes, insignificant acts, social danger of crimes, raising funds of citizens for participatory construction, real damage.